

Анна Кресеина

Пошла, нашла, с ума сошла

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К77

Красевина А.

К77 Пошла, нашла, с ума сошла / Анна Красевина. – М.: Литнет, 2026. – 250 с.

ISBN 978-5-521-93900-8

Когда идешь в лес, можно найти не только грибы-ягоды, но и, как я, свое счастье. Или горюшко луковое, от которого порой плакать хочется, но и без него уже горько. А если этот гриб с гребнем вырос не в наших лесах и его к родной грибнице потянет?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93900-8

© Литнет, 2026

© Красевина А., 2026

Глава 1

В лес я пошла, потому что меня бросил Валера. Не для того пошла, чтобы подыскать сук покрепче, или чтобы меня съели дикие звери. Я и сама толком не знаю, зачем. Это решение было спонтанным; наверное, моим взбудораженным нервам захотелось тишины и покоя. И отсутствия людей – меньше всего мне нужны были жалость и утешения. Я вообще девушка тихая и замкнутая, больших компаний не люблю, чувствую себя в них неуютно. И предпочитаю молчать, чем впускую молоть языком.

Собственно, из-за этого меня Валера и бросил. Так прямо и сказал: «Что ты есть, что тебя нет – никакой разницы. А мне нужно, чтобы со мной кто-нибудь был, прости». И ушел к своей «кто-нибудь», которую звали Соня, я случайно подслушала, как он ей звонил. Надеюсь, ее имя не синоним характера, а то Валера вновь разочаруется.

В общем, Валера пошел к Соне, а я пошла в лес. Он был совсем недалеко – дорогу перейти, жила я на самом краю городка. С самого детства моталась по таким, с десятком-двумя тысяч жителей и неизменными лесами вокруг – папа был военным. Поэтому лес для меня был как продолжение дома: кто-то на балкон выходит, чтобы подышать и развеяться, а я в лес.

Грибов этим летомросло много, но мне они были неинтересны. Для Валеры я бы их набрала и нажарила – он любит с картошечкой, но теперь у него есть для этого Соня, а я и одной картошечкой обойдусь.

А вот к ягодам нет-нет да наклонялась, чтобы бросить в рот горсть спелой черники, которой в лесу тоже была тьма-тьмушая. В очередной раз протянув руку к ягодным кустикам, я почувствовала, как на нее упала капля. Подняла голову: небо безмятежно синело между кронами. Но ветки деревьев почему-то выглядели искаженно, будто я смотрела на них сквозь воду. Лишь тогда поняла, что реву.

Вообще-то, я плачу редко, даже когда очень больно – хоть физически, хоть морально. Говорят, это плохо – держать все в себе, но такая уж я есть. А теперь не сдержалась вот. Ну так и бросают меня не каждый день – этот случай вообще был первым. Как и сам Валера, кстати. Которого, если честно, я, наверное, все-таки не любила. Сначала было что-то вроде влюбленности, манящего вкуса новизны, а потом за полгода просто привыкла, что кто-то есть рядом. А ведь так нельзя, если любишь. Привычка – это не любовь. Мне так кажется. Ну а если не любовь, то и реветь нечего. Как привыкла, так и отвыкну. И я вытерла слезы ладонью. А чтобы никого не смущать покрасневшими глазами, достала из поясной сумочки темные очки и нацепила на нос. Хотя кого я могла бы смутить? Медведей, что ли? Как бы они меня не смутили.

Только подумала так – он и выскочил из-за кустов. Не медведь, хуже. Сексуальный маньяк. Поначалу я была в этом абсолютно уверена. Потому что мужик был совершенно голый. А еще он по-дикому таращил глаза и не менее дико вопил. Что-то вроде:

– А-а-а!!! Симбальюка! Гарга!

– Простите, вы обознались, – попятилась я. – Дайте мне, пожалуйста, пройти.

Но мужик не дал. Собственно, это был даже не мужик, а молодой парень. Моих примерно лет. Двадцать три, двадцать четыре – плюс-минус. И даже вполне симпатичный. Правда, с дурацкой бородкой по скулам и низу подбородка, зато, что удивительно, очень аккуратно подстриженный и причесанный. Впрочем, маньякам, особенно сексуальным, и надо, наверное, быть аккуратно причесанными, чтобы приманивать жертвы. Вот только зачем так орать-то?

– Гунтурал обиссяки!!! – взвыл он, бросаясь ко мне. Но замер в двух шагах, уставившись так, словно это я выскочила из кустов без штанов.

– Бывает, – сочувственно вздохнула я, пытаясь обойти парня.

Не тут-то было. Он растопырил руки и запрыгал передо мной, что в отсутствии одежды ему бы, конечно, делать не стоило, пришлось

даже отвести глаза. Это было ошибкой. Маньяк рванул вперед, сорвал с меня очки и принялся тыкать ими себе в нос, намереваясь, видимо, надеть, вот только делал он это совершенно по-обезьяньи, как в той самой басне про мартышку.

Любая девушка на моем месте, я уверена, теперь уж точно убедилась бы, что перед ней сумасшедший и задала стрекача, чтобы потом позвонить в полицию о сбежавшем из психушки пациенте. А я шагнула к психу и помогла ему надеть очки.

– А-а-ах!.. – издал он блаженный стон. Ненормальный маньяк. Ловит кайф от солнцезащитных очков. Хорошо еще, надевает их на нос, а не на...

Я быстро пресекла непристойные, хотя и вполне забавные мысли, и спросила у замершего со счастливой улыбкой на лице психа:

– Теперь я могу идти?

– Куротога.

Интересно, что бы это значило? Судя по спокойной интонации, похоже на разрешение. И я снова попробовала обойти несчастного парня. Позже я задавала себе вопрос: почему я пыталась идти дальше? Куда логичней было бы развернуться и сначала медленно, а потом очень даже быстро сделать ноги, чтобы после, как уже говорилось, сообщить куда следует о моей нечаянной встрече. Но нет, мне непременно хотелось идти вперед. Чем дальше в лес, тем...

Видимо, одного приключения мне показалось мало. Вот только оно и не думало заканчиваться. Голый парень в темных очках вновь раскинул руки и запрыгал передо мной:

– Топ! Топ! Топ! Акутура! Бу текала раканевса укотон пи!

И все это таким умоляющим тоном, что мне стало его жалко. Если бы он еще не прыгал... И я попросила:

– Вы можете не скакать, а стоять спокойно? – Но тут до меня кое-что дошло: – Ой! Вы сказали: «Пи»? Ну хорошо, акутура, я вернусь.

И я отвернулась, не вполне понимая, зачем устраивать попрыгушки с бубенцами, если можно просто зайти в кусты и не мешать мне спокойно горевать.

А вот незнакомое слово я вставила зря.

– Акутура?! – опять завопил сумасшедший. – Хура экто акутура?!

– Нет-нет, не акутура, – вжала я голову в плечи, но оборачиваться не стала. – Случайно вырвалось. Вы делайте свой укотон спокойно, я подглядывать не буду.

Я замерла, невольно прислушиваясь. Но ожидаемого журчания не услышала. Раздался лишь тихий вздох и разочарованное бормотание, что-то вроде: «О, корутавала...», а затем послышались удаляющиеся шаги. Безумный парень уходил!

Теперь мне бы точно стоило взять ноги в руки и улепетывать, но я обернулась. И впервые увидела спину несчастного. А на ней... Я проморгалась, но это не помогло. Вдоль позвоночника уходящего парня тянулся... гребень. Невысокий, сантиметра два-три, тянущийся от лопаток до поясницы и покрытый нежным желтым пушком, который мне тотчас захотелось погладить.

– Дас ист фантастиш... – пробормотала я, заразившись, видимо, нерусскостью речи, а потом уже по-русски и перестав «выкать», крикнула: – Стой!

Вряд ли бородатый голыш с гребнем вспомнил русский, но смысл восклицания понял и остановился. Я подошла к нему и спросила:

– Ты кто?

– Герет монор экэсцин, – угрюмо произнес он.

– Это вряд ли, – сказала я, лихорадочно соображая, откуда мог взяться в нашем лесу обнаженный красавчик с гребнем на полспины и говорящий на языке, которого я раньше точно не слыхала.

Разумеется, я вряд ли слышала и сотую часть всех наречий Земли, а более-менее сносно кроме русского знала только английский – десяток фраз на немецком-французском не в счет, – но то, что этот язык не принадлежит к европейским, была уверена почти на сто

процентов. Но выглядел-то незнакомец именно европейцем. Если не обращать внимание на его пушистый гребешок. Хотя подобного украшения нет и у представителей других наций, это уже не сто, а все триста процентов. Тогда откуда же он свалился? Не вылез ведь, словно гриб, из-под земли!

Подумала так – и невольно поежилась. А если вылез? Вдруг загробный мир все-таки существует? Да нет же, тогда бы он был грязный и страшный. И гребешок тогда все равно не к месту. И незнакомый язык. Нет, он точно не из-под земли. И вообще, это я сошла с ума, если о таком всерьез думаю.

А потом меня торкнуло. Земля... Не в смысле почвы, а в смысле планеты. Что если он и правда не вылез, а свалился? Например, его космический корабль потерпел крушение, а он, бедолага, даже скафандр надеть не успел. Правда, новость о подобной аварии звучала бы уже из каждого утюга, но ведь я новости из-за ухода Валеры сегодня не смотрела, мне и этой хватило за глаза.

А ну-ка... Я достала из сумочки смартфон и открыла новостное приложение. Погода, курс рубля, утюги повышенной гладильности, скафандры для работы и отдыха... Они что, уже под мысли рекламу подстраивают?! А вот про аварию летающих тарелок ничего. Стоп! Не думать про тарелки, сейчас накидают предложений столовых сервизов для работы и отдыха.

Я хотела уже убрать смартфон в сумочку, как подумала вдруг о том, что нужно было сделать в первую очередь. Карта Земли! Ведь это так очевидно. Если непонятный парень ниоткуда не падал, то покажет, откуда прибыл. И я подсунула гребешочнику карту. Он долго смотрел на экран, нехорошо меняясь в лице, а потом хрипло выдавил:

– Симбалюка. Гарга...

– А вот ругаться не надо, – пролепетала я в полной растерянности. – Было бы из-за чего.

Ну да, ну да. Абсолютно не из-за чего. Подумаешь, попал на другую планету! Да, нагишом, зато никто не сожрал, не стал делать

опыты, не заспиртовал для коллекции и даже не ограбил. Кстати, преимущество путешествий в голом виде – тебя точно не ограбят. Но вряд ли это успокоило бы несчастного находимца, даже если бы он понимал по-русски.

Впрочем, теперь и я ничего не понимала. Самое главное: что мне теперь делать? Не бросать же, в конце концов, этого бедолагу здесь! Но и вести его – куда? В полицию? Нет, наверное, в лесу голому человеку без документов и знания русского языка все-таки безопасней. Да еще с этим гребнем.

Тогда, может, в больницу? Все-таки аномалия у человека. Симпатичная, пушистенькая, но аномалия. Правда, она его не беспокоит, может, вообще жизненно необходима, так что лечить от нее точно не стоит. Да и не будут врачи лечить моего гребешочника. Наверняка передадут ученым для опытов.

Что? Я назвала его моим? Пусть и мысленно, но да, назвала. С ума уже сходить начала! Да нет, это наверное потому, что чувствую за него ответственность, раз уж нашла. Пошла, нашла, с ума сошла. Как бы то ни было, я решила отвести находимца к себе. Может, это и безумное решение, но другого я пока не видела. Приведу – тогда и буду думать в спокойной обстановке, что делать дальше.

– Идем, – решительно махнула я парню.

Он остался стоять. С тем же трагическим выражением на лице, что появилось у него после карты.

– И-ди-за-мной! – громко и отчетливо, как любят изъясняться наши люди с иностранцами, сказала я и замаршировала на месте, поясняя, что нужно делать.

Теперь на лице гребешочника проступило удивление. Но посто-яв в нерешительности, он все-таки зашагал. Правда, тоже на месте. Пришлось взять его за руку и потянуть:

– Идем-идем. Приглашаю тебя в гости.

Незнакомец двинулся с места, но теперь остановилась я, вспо-мнив, что живу отнюдь не в лесу. Хорош гость, нечего сказать: из всей

одежды – одни очки, а на спине – вообще какое-то недоразумение. Я-то уже попривыкла к его наготы и гребню, но встреченные возле дома люди вряд ли останутся равнодушными, увидев такое чудо. Тут уж без полиции точно не обойдется. А если встретятся дети, вообще нехорошо получится.

– Стой, – сказала я и сняла ветровку. Завязала ему на талии рукава – получилось приемлемо.

Теперь нужно было придумать, чем накрыть гребень. На мне оставались джинсы и полосатый лонгслив. Он вряд ли налез бы на моего находимца, но если набросить на спину, завязав рукава спереди – будет самое то. Но тогда сама я буду совсем не то, потому что лифчик носила редко, и теперь был как раз не такой случай. Встреченные мужчины, возможно, обрадуются, но женщины вряд ли. Опять же дети... Да и сам гребешочник. Он-то, конечно, уже продемонстрировал мне свои прелести и продолжал это без тени смущения делать, но я показывать ему стриптиз была не готова.

По той же причине отпадали и джинсы. Нет, трусики под ними все же имелись, но в качестве одежды для прогулок определенно не подходили. Что еще? Кроссовки? Повязать ему шнурками на шею, пусть болтаются сзади. Но они полностью гребень не закроют, еще и привлекут дополнительное внимание. Да и я босиком по лесу далеко не уйду – до первого сучка.

Ничего не оставалось, как рисковать, в надежде, что издали гребень не разглядят или примут за шарфик – мода в наше время бывает до умиления причудливой, – а если кто-нибудь окажется близко, прижмусь к спине моего гребешочника – люблю, мол, так, что аж падаю. Хоть мне это и не по душе, но потерплю, что же делать. Лишь бы находимец не испугался.

Я решила его на всякий случай проверить.

– Сейчас я кое-что сделаю, – сказала ему я. – Только ничего такого не подумай, это просто эксперимент.

- Туртомоко, – проговорил парень очень грустным голосом.
- Вероятно, – согласилась я. – Но ты потерпи. Во всех смыслах.

Я обошла его и осторожно прижалась. Пушистый гребень уютно лег в ложбинку меж грудей, я мимолетно пожалела, что на мне лонгслив, но тут же придушила эту мысль в зародыше. Находимец заметно напрягся, но больше ничего не предпринял – вероятно, ждал продолжения. Но нет, эксперимент был уже завершен.

– Идем, – в который уже раз сказала я, взяла гребешочника за руку и повела назад по тропинке.

Сделав несколько шагов, я вспомнила еще кое-что важное. Веду человека к себе домой, а сама даже не знаю, как его зовут. Всего остального про него я тоже не знала, но знакомство начинают как раз с имени. Кстати, и самой надо представиться.

Я сказала: «Стоп!», отпустила руку парня, встала к нему лицом и ткнула себя в грудь:

- Мирослава.

Парень молчал. Из-за темных стекол очков выражения глаз не было видно, и я не понимала, он усваивает информацию или просто тупит.

- Я – Мирослава, – повторила я жест. – А ты?

- Лава... Аты... – выдавил находимец.

– Попугай с куриной памятью, – вздохнув, пробормотала я и помотав головой, сказала отчетливо и громко: – Нет! Не Лава, не Аты. Меня зовут Ми-рос-ла-ва, – произнося свое имя я пару раз хлопнула по груди.

– Лава, – впервые растянул в улыбке губы гребешочник. И добавил: – Мирос. – А потом вполне уверенно повторил: – Лава Мирос.

– Тьфу на тебя, – сказала я. – Издеваешься? Наоборот. И вообще лучше просто Мира. Хотя ладно, – махнула рукой, – Лава тоже годится. Красиво даже. Неотвратимо, всепоглощающе и жгуче. Как бы теперь твое имя узнать?